

Хвостовые перья птицы луань расправились в воздухе, изящные и невероятно красивые. На тончайших, невесомых бородках перьев под яркими солнечными лучами вспыхивали и переливались пёстрые узоры.

Фэн Ци вытащил Чэн Си прямо через окно кареты, взмыв с ним в воздух. Снаружи не было защитных массивов; яростный ветер мгновенно сорвал с Чэн Си ленту, разметав его длинные волосы. Оказавшись на крыше экипажа и глядя вниз, юноша по-настоящему ощутил, насколько необъятен и широк этот мир.

Сопровождавшие их на летающих ладьях слуги обомлели, увидев, как личный слуга второго молодого господина бесцеремонно выволок наружу третьего молодого господина.

— Фэн Ци, что ты творишь?! — в панике закричали они.

Одетый в чёрное слуга с полнейшим равнодушием на лице держал Чэн Си на весу.

— Третий молодой господин, прошу прощения, — безучастно бросил он и разжал пальцы.

Чэн Си полетел вниз навзничь. Полы его лазурных одежд взметнулись, и в бескрайнем небе он казался одиноким сорванным листком, безвольно кружащимся на ветру.

В то же мгновение у сопровождавших бессмертных чиновников сердца подскочили к самому горлу. Словно горох из дырявого мешка, они гурьбой посыпались с летающих ладей вниз, отчаянно пытаясь поймать падающего. А третий молодой господин в воздухе, казалось, совершенно обезумел от ужаса: его широкие рукава неистово хлопали, он отчаянно барахтался в пустоте, и до ушей летящих следом чиновников донёсся на редкость прочувствованный вопль:

— А-а-а-а!..

Каждым из них в этот миг овладела одна-единственная паническая мысль: «Всё, нам конец!» Третий молодой господин отродясь не отличался крепким здоровьем, его с пелёнок холили и лелеяли. Если он расшибётся или хотя бы просто помрёт от испуга, второму молодому господину ничего не будет — его прикроет Глава секты, а вот Великая госпожа Шэнь их живьём в землю закопает. В головах несчастных мгновенно пронеслись сто восемь изощрённых способов мучительной смерти. Бессмертные едва не посходили с ума от ужаса.

К счастью, падение длилось недолго. Один из чиновников всё же успел изловчиться и перехватить юношу. Направив свой летающий артефакт, он выровнял полёт и уже собирался было успокоить перепуганного барчука, как вдруг услышал искреннее, полное восторга восклицание «хрупкого и слабого» Чэн Си:

— Какое же синее небо!..

— Вот это кайф! А можно ещё разок?

У всех присутствующих дружно отвисли челюсти.

Фэн Ци скользнул обратно через окно кареты.

Чэн Юнь бросил на него ленивый взгляд:

— Вытащил его?

Облачённый в чёрное слуга опустился на колени прямо в салоне экипажа.

— Нет.

Пальцы Чэн Юня, сжимавшие нефритовый кубок, вздрогнули, едва не пролив чай.

— Ты действительно его сбросил?! А если бы он разбился насмерть?

Вместо ответа Фэн Ци молча отодвинул занавеску на окне, предлагая хозяину взглянуть самому. За окном простиралось бескрайнее чистое небо. Среди пушистых, белоснежных облаков Чэн Си преспокойно стоял на летящем мече одного из чиновников и явно получал от этого величайшее удовольствие.

Чэн Юнь онемел.

С громким стуком захлопнув окно, Чэн Юнь внезапно почувствовал, как его захлёстывает горькое сожаление. Он похитил младшего брата посреди ночи, опередив людей старшего брата Чэн Си. С одной стороны, таково было распоряжение отца; с другой — он надеялся, что по дороге, лишившись всякой поддержки, Чэн Си сполна натерпится страху и унижений. Но теперь складывалось ощущение, что изощрённой пытке подвергается он сам.

«Ладно, лететь всего сутки. Потерплю, не убудет», — мысленно успокоил себя Чэн Юнь. С этой мыслью он достал из резного ящичка книгу и попытался сосредоточиться на чтении.

Порыв ветра качнул занавеску, и в салон ворвался залиvistый, весёлый смех:

— Ха-ха-ха!

Чэн Юнь замер, так и не перевернув страницу.

Он глубоко вздохнул, заставил себя успокоиться и перелистнул ещё пару страниц. Однако встречный поток воздуха вновь приоткрыл занавеску, и очередной взрыв хохота Чэн Си безжалостно ударил по его барабанным перепонкам.

Глядя на строчки перед глазами, Чэн Юнь поймал себя на дикой мысли: он отчаянно скучал по прежнему Чэн Си — мрачному, завистливому и злобному. Тот хотя бы умел молчать.

— Фэн Ци, — процедил Чэн Юнь, стиснув пальцами край страницы и не поднимая головы. — Затащи его обратно. И не забудь наложить Заклинание Безмолвия.

Они выехали глубокой ночью, и, хотя в пути возникла небольшая задержка, к утру следующего дня карета наконец пересекла границу Цанчжоу. Чэн Си прильнул к окну. Внизу расстилалось море сочной, свежей зелени. В Линчжоу климат поддерживали особыми заклинаниями, но та земля всё же оставалась суровым северным краем — тамошние горы высились мрачными тёмными громадами, вершины которых почти круглый год белели снегом. Здесь же лесистые холмы буквально тонули в мягкой облачной дымке, молодая листва сияла первозданной чистотой, а из чащи доносился дружный, нескончаемый стрёкот цикад.

Луань плавно спикировала к горным ущельям, заметно снижая высоту. Теперь Чэн Си мог отчётливо разглядеть копошащиеся внизу фигурки в сиреневых одеждах. Казалось, во всей этой огромной провинции буквально каждый город до краёв заполнен учениками Обители Облачного Слияния.

«В Цанчжоу практически нет простых смертных, — вдруг вспомнились Чэн Си слова, сказанные Ли Цзином перед отъездом. — Там живут одни лишь adeпты Обители Облачного Слияния. Обычному человеку там и шагу не ступить. Но для тебя, законного сына самого Главы секты, любая поездка туда будет сродни выезду императора».

Поначалу Чэн Си счёл эти слова преувеличением. Однако стоило тени от крыльев гигантской птицы скользнуть по земле, как каждый, кто замечал очертания парящего экипажа, тут же склонялся в глубоком, почтительном поклоне.

Чэн Си невольно ощутил укол глубочайшего абсурда.

Он прекрасно знал сюжет новеллы и то, что этот нерушимый колосс — Обитель Облачного Слияния — со временем развалится на куски и обратится в прах Прежнего мира. И всё же, воочию созерцая бескрайние владения секты и возвышающийся в самом их сердце Белый Нефритовый Город, он не мог не испытывать благоговейного трепета.

Город, полностью выстроенный руками людей из белоснежного нефрита, напоминал бьющееся светлое сердце посреди изумрудных хребтов. Расходящиеся во все стороны дороги походили на кровеносные сосуды, по которым непрерывным потоком текла сиреневая кровь — спешащие по делам адепты с яшмовыми жетонами в руках.

— Что ты там высматриваешь? На простых внешних учеников любишься? — Чэн Юнь раздражённо задёрнул занавеску.

Под действием Заклинания Безмолвия Чэн Си наконец притих, и в этом молчаливом состоянии он казался на удивление миловидным. Беззвучно склонившись у окна и глядя вдаль, он являл собой истинное воплощение утончённой, сошедшей с холста красоты.

«И надо же было уродиться таким красавцем, — невольно подумал Чэн Юнь. — Всем хорош, да только язык без костей».

Спустя сутки изнурительного полёта птица луань наконец опустилась на широкую каменную платформу. Когда Чэн Си сходил на землю, его колени всё ещё слегка дрожали от усталости. Опершись о край повозки, он провожал взглядом величественную птицу, которую уводили несколько адептов. На шее благородного создания красовался тяжёлый обруч из тёмного железа, испещрённый золотыми рунами. Стоило вожатым натянуть поводья, как чары сковали крылья луань; её великолепный синепёрый хвост безжизненно волочился по пыльным плитам, являя собой жалкое и унылое зрелище.

Пока Чэн Си сочувственно разглядывал птицу, Чэн Юнь уже зашагал вперёд, бросив через плечо:

— На что ты там уставился? Живее, пошли.

Чэн Си покорно поплёлся следом, входя под арку обширной усадьбы. Назвать это место простым двором не повернулся бы язык: перед ними раскинулся роскошный, монументальный комплекс из восьми последовательных внутренних двориков. Из-за каменной ограды свешивались тонкие зелёные ветви, усыпанные крошечными, ещё совсем незрелыми сливами.

Чэн Юнь уверенно подошёл к дверям главного зала и постучал.

— Отец, матушка, я вернулся!

«Отец...» — беззвучно шевельнул губами Чэн Си.

Это слово показалось ему на редкость чуждым. В памяти прежнего владельца тела образ родителя давно превратился в блёклый, полузабытый призрак. Всё, что осталось от отца в его воспоминаниях, — это вечно удаляющаяся холодная спина да редкие, формальные подарки, присылаемые по праздникам.

Глава Обители Облачного Слияния, Чэн Вэй, насколько помнил Чэн Си, слыл одним из сильнейших мастеров этого века и непревзойдённым мастером магии массивов.

Двери распахнулись. Чэн Юнь лёгкой, радостной походкой устремился внутрь. Посреди

просторного двора высилась резная пергола, густо оплетённая глицинией. Пора её цветения давно миновала, и теперь деревянный каркас укрывал лишь плотный ковёр сочных зелёных листьев, сквозь которые на землю падали причудливые пятна солнечных бликов. Под этой сенью за невысоким столиком сидел мужчина в пурпурных одеждах. Засучив рукава, он неторопливо настраивал струны гуцуня.

Рядом с ним расположилась женщина в простых, неброских одеждах. Её тёмные волосы были небрежно заколоты, а лицо, лишённое румян, отличалось мягкой чистотой. Её нельзя было назвать ослепительной красавицей, но она действительно идеально подходила под описание прежнего Чэн Си — хрупкий, изящный цветок, наделённый особым, тихим очарованием. Склонив голову к супругу, она вполголоса что-то ему говорила. Они сидели так близко, что соприкасались плечами, и то и дело негромко пересмеивались, являя собой картину абсолютного семейного счастья и согласия.

Завидев бегущего Чэн Юня, госпожа Шэнь просияла. Она порывисто обняла сына, её лицо озарилось нежностью и безграничной материнской любовью. Со стороны они казались идеальной, любящей семьёй.

Чэн Си застыл у самого порога, молча наблюдая за этой трогательной сферой воссоединения. В его памяти невольно всплыли унылые семейные трапезы из его собственного детства: круглый год, из сезона в сезон, за огромным холодным столом сидели лишь двое — он и его мать, госпожа Шэнь. В этот миг юноша отчётливо понял, почему прежний Чэн Си питал столь лютую, испепеляющую ненависть к своему второму брату.

Наверное, ему казалось, что Чэн Юнь бесстыдно украл у него право на настоящую семью.

<http://bllate.org/book/18408/1799605>